

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
С50

Crystal Smith
BLOODLEAF

Copyright © 2019 by Crystal Smith. All rights reserved.
Печатается с разрешения литературных агентств The Park
Literary Group и Andrew Nurnberg.

Художественное оформление *Екатерины Климовой*
Перевод с английского *Светланы Арестовой* (главы 1-15)
и *Юлии Капустюк* (главы 16-38)

Смит, Кристал.

С50 Кровоцвет: [роман] / пер. с англ. Светланы Арестовой, Юлии Капустюк. — Москва: Издательство АСТ, 2020. — 416 с. — (Mainstream. Фэнтези).

ISBN 978-5-17-120897-4

Аврелия — принцесса крови, но люди называют ее ведьмой. Окруженная призраками, она живет в постоянном страхе за свою жизнь. Когда совершается чудовищное убийство, Аврелия вынуждена бежать. Покинуть родных, потерять надежду, скитаться без гроша в кармане на чужбине... Однако не в характере девушки опускать руки. Среди врагов она находит друга, а в своем горе — силы, чтобы противостоять могущественному Трибуналу. Но прежде Аврелии нужно разгадать множество тайн. Какие секреты хранит сын правителя приютившей ее страны? Зачем ей является призрак давно почившей королевы? И поможет ли девушке таящий неведомую силу кровоцвет?

УДК 821.111-312.9 (73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-120897-4

© С. Арестова, перевод на русский язык
© Ю. Капустюк, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2020

*Посвящается Джеймсону и Линкольну.
Знаете что? Вы лучшие.*

И Китону. Люблю тебя.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РЕЖИМЪМ

Виселицу возвели в тени часовой башни. Отчасти — чтобы солнце не слепило глаза публике, а отчасти — чтобы Трибунал мог совершать убийства точно по расписанию. Порядок во всем — таков был девиз Трибунала.

На площади собиралась толпа. Я стояла с опущенной головой, придерживая капюшон руками. Утро было промозглым. Пар от моего дыхания поднимался тонкими облачками и сливался с туманом. Я с тревогой огляделась по сторонам.

— Хороший день для повешения, — непринужденно протянул стоявший рядом человек.

Я быстро отвернулась, чтобы не встретиться с ним взглядом. Людей редко обвиняли в колдовстве из-за цвета глаз, и все же такое случалось.

При виде двух женщин, которых вывели на эшафот, толпа зашумела. Обеих обвиняли в колдовстве. Руки первой тряслись так сильно, что даже мне с задних рядов было слышно, как позвякивают кандалы. Вторая женщина, помоложе, с печальным лицом

и ссутулившимися плечами, была совершенно неподвижна. Их платья превратились в лохмотья, а болезненно-бледные лица и спутанные волосы покрывала корка грязи. Должно быть, их не один день держали в темнице и морили голодом, чтобы довести до отчаяния и иступления. Все это делалось с хитрым расчетом: безумный и одичалый вид обвиняемых рассеет подозрения горстки совестливых горожан, способных усомниться в методах Трибунала, и делает само зрелище еще увлекательнее.

Мой сосед придвинулся поближе.

— Веселое представление, не находите?

Я попыталась не обращать на него внимания, но он наклонился надо мной и тихо повторил:

— Не находите, *пфинцесса*?

Удивленно уставившись на него, я увидела полные решимости карие глаза, поджатые губы и вопросительно приподнятые брови.

— Келлан, — возмущенно прошептала я. — Что ты здесь делаешь?

Он выпятил подбородок, и под его бронзовыми скулами залегли тени.

— Как твой личный охранник, могу спросить тебя о том же.

— Мне захотелось развеяться.

— Развеяться? Тут? Все, мы уходим. — Он схватил меня за локоть, но я тут же отдернула руку.

— Если ты потащишь меня силком, на нас все будут смотреть. Ты этого хочешь? Привлечь ко мне внимание?

Келлан недовольно скривился. В пятнадцать лет он получил звание лейтенанта и назначение в королевский полк, а в семнадцать — должность моего охранника. Сейчас ему было двадцать, и он все так

же был связан клятвой меня защищать. Пока распаленная орава ведьмоненавистников не догадывалась о моем присутствии, я оставалась в относительной безопасности, поэтому Келлан нехотя уступил.

— Почему тебя вообще сюда потянуло, Аврелия? Разве может такое зрелище пойти тебе на пользу?

У меня не нашлось разумного объяснения, и я молчала, нервно перебирая подвески на браслете, надетом поверх перчатки. Браслет, последний подарок покойного отца, всегда действовал на меня успокаивающе и пришелся как нельзя кстати, когда я увидела палача в черном и клирика Трибунала, объявившего, что сейчас на помост взойдет великий магистрат Торис де Лена.

В черной сутане с накрахмаленным воротником Торис моментально приковал к себе всеобщее внимание. Он расхаживал перед публикой, с видом горького сожаления прижимая к груди Книгу заповедей Основателя.

— Братья и сестры, — начал он. — Сегодня мы собрались по печальному случаю. Перед нами Мейбл Лоренс Дойл и Хильда Эверетт Гейбл. Обем было предъявлено обвинение в использовании темных искусств. В ходе беспристрастного судебного разбирательства обе были признаны виновными. — На шее у него висел флакончик с красной жидкостью. Он поднял его, чтобы всем было видно. — Я магистрат Торис де Лена, носитель крови Основателя. На меня возложили обязанность руководить казнью.

— Никак не возьму в толк, — пробормотал Келлан мне на ухо, — ты решила себя испытать? Проникнуть в стан врага? Заглянуть в лицо своим страхам?

Я сдвинула брови. Конечно, я боялась ареста, суда и публичной казни, но это были далеко не единственные волки в лесу моих страхов.

— Мои подданные мне не враги, — настаивала я, пока те с нарастающей громкостью скандировали: «Вешай! Вешай!» — вскидывая вверх кулаки.

И тут у ног одной из осужденных — той, что была помоложе, Мейбл, — мелькнула тусклая тень. Она появилась из утреннего тумана и постепенно росла, приобретая все более ясные очертания. Дух впитывал энергию и тепло толпы, и на площади стало еще холоднее. Это был маленький мальчик шести или семи лет. Он прижался к юбке женщины, закованной в кандалы.

Никто не остановил его, никто на него даже не посмотрел. Его видела я одна. Но Мейбл знала, что он рядом, и на ее лице отразилось какое-то новое чувство: то ли боль, то ли радость, то ли облегчение.

— Я знаю эту женщину, — шепнул Келлан. — Ее муж продавал книги и почти каждый месяц проезжал через Грейторн. Он умер в прошлом году, от той страшной лихорадки, гулявшей в начале зимы. Как и их сын.

Я тоже знала Мейбл, но рассказывать об этом было опасно.

Часы на башне показывали без одной минуты девять, и помпезная речь Ториса подходила к концу.

— Теперь вам слово, — сказал он женщинам, пока на шею каждой затягивали петлю. — Мейбл Лоренс Дойл, вы предстали перед беспристрастным Трибуналом по обвинению в распространении запрещенных текстов и попытке воскресить умерших посредством использования магии и колдовства в нарушение заповедей нашего Основателя. Име-

нем Основателя вам был вынесен смертный приговор. Ваше последнее слово?

Я напряглась, ожидая, что она вот-вот укажет на меня пальцем, назовет мое имя. Предложит мою жизнь в обмен на свою.

Вместо этого она сказала:

— Я обрела покой, мне не о чем жалеть. — И обратила лицо к небу.

В воздухе разлился знакомый аромат — запах шиповника, хотя его пора еще не пришла. Я знала, что это означает, и огляделась по сторонам, но Предвестницы нигде не было.

Торис повернулся ко второй осужденной, дрожавшей как осиновый лист.

— Хильда Эверетт Гейбл, вы предстали перед беспристрастным Трибуналом по обвинению в попытке нанести увечье жене своего сына посредством колдовства в нарушение заповедей нашего Основателя. Именем Основателя вам был вынесен смертный приговор. Ваше последнее слово?

— Я невиновна! — завопила она. — Ничего я не делала! Она лжет! Говорю вам, она лжет! — Хильда простерла трясущиеся руки в кандалах к женщине в первом ряду. — Клеветница! Клеветница! Ты за это заплатишь! Ты...

Минутная стрелка достигла двенадцати, и над площадью прокатился звон колоколов. Склонив голову, Торис произнес: *Nihil nunc salvet te* — «Теперь тебя ничто не спасет». Затем кивнул палачу, и под ногами осужденных провалился пол. Я вскрикнула, и Келлан торопливо прижал меня к своей груди.

После девяти ударов колокол затих. Ноги повешенных все еще подергивались.

Голос Келлана звучал мягче:

— Не знаю, что ты ожидала тут увидеть. — Он попытался повернуть меня спиной к эшафоту, но я заупрямилась. Каждый раз, когда я наблюдала переход от жизни к смерти, мой желудок болезненно сжимался, но эту казнь я обязана была досмотреть до конца.

Мейбл уже не шевелилась, но воздух вокруг нее мерцал. Было странно наблюдать, как душа освобождается от тела, скидывает с себя гротескную оболочку, словно светская дама — старый замаранный плащ. Сын уже ждал ее, и она сразу пошла к нему. Стоило ей дотронуться до него, как обе души исчезли, покинули пограничную зону и отправились дальше, туда, где я уже не могла за ними наблюдать.

Хильда умирала намного дольше. Она давилась и хрипела, ее глаза вылезли из орбит. Когда все наконец закончилось, ее душа вырвалась из тела с негодующим ревом — а точнее, немим криком, ведь она была бесплотна — и тут же бросилась в толпу, к невестке. Та, казалось, ничего не замечала. Все ее внимание было приковано к грязному мешку костей, болтавшемуся на висельной петле.

— Заберете тело свекрови? — спросил Торис.

— Нет, — с нажимом произнесла она. — Сожгите его. — Призрак Хильды снова беззвучно закричал и впился в лицо невестки когтями. Та побледнела и приложила к щеке ладонь. Возможно, подумала я, гнев Хильды придал ей столько энергии, что ее прикосновения стали осязаемы.

Невестке нельзя было позавидовать. Скорее всего, Хильда надолго застрянет в пограничной зоне и будет преследовать предательницу, выкрикивая немые угрозы и заволакивая все вокруг своей ненавистью. Я такое уже видела.

— Аврелия, пойдём, — сказал Келлан.

Когда трупы стащили с эшафота, толпа зашумела и подалась вперед. Меня толкнули, и я полетела на булыжную мостовую. Я выставила вперед ладони в попытке смягчить удар, но приземлилась прямо на запястье. Келлан мигом подхватил меня, поставил на ноги и повел сквозь толпу, выставив руку наподобие щита.

Я потеряла ушибленное место.

— Браслет! — воскликнула я, оглядываясь, но за массой тел уже ничего было не разглядеть. — Видно, застежка сломалась, и он слетел...

— Забудь о нем, — сказал Келлан твердо, но не без сочувствия: он знал, как много для меня значит подарок отца. — Он потерялся. Нужно *уходить*.

Я выскользнула из его рук и стала протискиваться через толпу, толкаясь и пихаясь, когда толкали и пихали меня саму. Все это время я неотрывно глядела под ноги, но Келлан оказался прав: браслет потерялся, и тут уже ничего не попишешь. Он снова догнал меня и на этот раз вцепился мертвой хваткой, но удирать мне уже не хотелось: слышались свистки. Спустя считанные минуты на площади покажутся клирики Трибунала и начнут задерживать всех, у кого расправа над Хильдой и Мейбл не вызвала должного воодушевления. В тюрьме Трибунала теперь было две свободные камеры, и они никогда не пустовали подолгу.

* * *

Спустя час я уже стояла в приемном зале королевского дворца и разглядывала легкую материю цвета слоновой кости, расшитую кристаллами. Из окна в потолке струился мягкий свет, и камни кра-